СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-59-68**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
https://ludmilagru.academia.edu/research,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРОТОТИПЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ СУДЕБНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации, утвержденной приказом Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П, с целью выявления зарубежных нормативных моделей, обладающих наибольшим структурным, функциональным и методологическим сходством с российским документом. Обосновывается вывод о гибридной природе российской модели судебного искусственного интеллекта. Наиболее близким функциональным прототипом выступают Opinions of the Supreme People's Court of China on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields 2022 г.: совпадают сквозное применение ИИ на жизненном цикле дела, интеллектуальный поиск норм и сходных дел, анализ доказательств, подготовка проектов судебных актов, предупреждение об отклонении от сложившихся критериев и элементы прогнозной аналитики. Вместе с тем, система принципов, правовых гарантий и управления рисками российской Концепции существенно сближается с Европейской этической хартией CEPEJ 2018 г., Регламентом ЕС 2024/1689 (AI Act), Мнением CCJE № 26 (2023) и особенно Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts CEPEJ 2025 г.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; судебная власть; цифровое правосудие; приказ Верховного Суда РФ № 59-П; умный суд; Китай; CEPEJ; AI Act; алгоритмическое правосудие; судебное усмотрение; automation bias; сравнительное правоведение.*

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor,
Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

FOREIGN NORMATIVE PROTOTYPES OF THE RUSSIAN MODEL OF JUDICIAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article conducts a comparative legal analysis of the Concept of introducing artificial intelligence technologies into the legal proceedings of the Russian Federation, approved by order of the Supreme Court of the Russian Federation of September 3, 2026 No. 59-P, in order to identify foreign regulatory models with the greatest structural, functional and methodological similarity to the Russian document. The conclusion about the hybrid nature of the Russian model of forensic artificial intelligence is justified. The closest functional prototype is Opinions of the Supreme People's Court of China on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields 2022: end-to-end application of AI in the life cycle of a case, intellectual search for norms and similar*

cases, analysis of evidence, preparation of draft judicial acts, warning of deviation from the established criteria and elements of predictive analytics. At the same time, the system of principles, legal guarantees and risk management of the Russian Concept is significantly closer to the European Ethical Charter CEPEJ 2018, EU Regulation 2024/1689 (AI Act), CCJE Opinion No. 26 (2023) and especially Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Co urts CEPEJ 2025.

Key words: *: artificial intelligence; judiciary; digital justice; Supreme Court of Russia; Smart Court; China; CEPEJ; EU AI Act; algorithmic justice; judicial discretion; automation bias; comparative law.*

Приказом Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 59-П утверждена Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации *(далее - Концепция, приказ № 59-П)*. Документ знаменует качественно иной этап цифровизации правосудия. Если предшествующий исторический период был связан с электронным документооборотом, дистанционным участием, автоматизированным распределением дел, публикацией судебных актов и цифровой коммуникацией, то Концепция переносит технологическое воздействие непосредственно в сферу интеллектуальной деятельности суда: анализ доводов и доказательств, поиск правовых норм и аналогичных дел, выявление противоречий, формирование проектов судебных актов, контроль единообразия практики и подготовка справочных рекомендаций. [1, разд. III]

Верховный Суд РФ формулирует цель внедрения искусственного интеллекта *(далее – ИИ)* как повышение потенциала судебной системы и эффективности работы судов «на основе лучших мировых практик» при сохранении ключевой роли судьи. [1, п. 4 разд. II] Эта оговорка делает сравнительно-правовой вопрос внутренне обусловленным самим содержанием Концепции: какие именно мировые практики обнаруживают наиболее близкое сходство с российской моделью и можно ли установить вероятные нормативные прототипы приказа № 59-П?

Российская научная литература уже накопила значительный материал о возможностях и рисках ИИ в правосудии, включая проблемы алгоритмической прозрачности, цифрового суверенитета, судебного усмотрения и информационной безопасности. [2, с. 120–126; 3, с. 4–28] В то же время появление приказа № 59-П требует перехода от абстрактной дискуссии о допустимости судебного ИИ к анализу конкретной нормативной архитектуры и ее генезиса. Новизна настоящего исследования заключается именно в реконструкции возможных зарубежных прототипов российского документа по системе признаков, а не по внешнему сходству отдельных деклараций.

Наиболее сильное институциональное и функциональное сходство, на наш взгляд, обнаруживается между приказом № 59-П и ***Opinions of the Supreme People's Court on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields,*** опубликованными Верховным народным судом КНР 8 декабря 2022 г. [4] Оба документа исходят от высшего судебного органа и задают общесистемную политику применения ИИ в судах, а не регулируют рынок ИИ в целом.

Китайский акт закрепляет принцип AI-assisted adjudication: ИИ не заменяет судью, результаты алгоритма имеют вспомогательное значение, судебное решение принимается компетентным судебным органом, а ответственность сохраняется за лицом, принимающим решение. Пользователь должен иметь возможность выбирать, использовать ли интеллектуальную помощь, и прекращать взаимодействие с системой. [4, Principle of Supporting Adjudication] Российская формула «вспомогательного характера» ИИ построена вокруг той же институциональной идеи: технология усиливает профессиональную деятельность, но не приобретает самостоятельной юрисдикционной компетенции.

Китайский документ предусматривает whole-process AI-assisted case handling: интеллектуальную проверку доказательств, автоматизированную рекомендацию законов и подзаконных актов, поиск сходных дел, помощь в рассмотрении, генерацию и проверку юридических документов, а также средства обеспечения единообразия судебной практики. В административно-процессуальной части названы классификация

электронных материалов, автоматическое заполнение данных, распределение дел по сложности, электронная подача и автоматическое формирование судебных записей. [4, provisions on whole-process AI-assisted case handling] Совпадение с российским перечнем не ограничивается общей идеей цифровой помощи; оно охватывает последовательность операций, составляющих информационно-аналитический цикл работы судьи.

Российская Концепция предусматривает анализ аргументов и доказательств, выявление противоречий, составление резюме и хронологии, поиск применимого регулирования и сходных дел. Аналогичные функции китайского «умного суда» описываются и в научной литературе как переход от сервисной цифровизации к «интеллектуальной поддержке» судебной деятельности, когда алгоритм обрабатывает фактический и правовой массив, но формально не приобретает полномочия суда. [5, с. 125–137; 6, с. 27–32] Такая архитектура принципиально отличается от более осторожных западноевропейских моделей, долгое время концентрировавшихся на этических ограничениях и административной цифровизации.

Наиболее специфичным совпадением является механизм контроля отклонений от судебной практики. В российском приказе ИИ должен предупреждать судью об отклонении проекта решения от складывающейся практики, сопоставляя проект с правовыми позициями Верховного Суда и аналогичными делами. [1, направление «Интеллектуальная поддержка единообразия судебной практики», разд. III] Китайский акт прямо предусматривает warning of deviation of adjudicative criteria — предупреждение об отклонении от судебных критериев. [4, warning of deviation of adjudicative criteria] Речь идет не просто о поиске прецедентов, а о встроенном алгоритмическом сигнале, воздействующем на момент формирования будущего судебного акта. Такая функция достаточно специфична, чтобы иметь повышенное доказательственное значение в сравнительном анализе.

Приказ № 59-П допускает предварительную оценку рисков и вероятного исхода по типовой категории спора, специально оговаривая, что это не является предсказанием решения по конкретному делу. Китайский документ использует категорию AI-assisted litigation prediction. [1, подп. 8.1 разд. III; 4, AI-assisted litigation prediction] Российская оговорка существенно сужает предиктивную функцию и тем самым демонстрирует попытку адаптировать технологический сценарий к процессуальным гарантиям, но само включение прогнозной аналитики в официальную концепцию судебного ИИ сближает российскую и китайскую модели.

Следующая группа совпадений относится к подготовке судебных документов. Российская Концепция допускает генерацию проектов судебных актов с последующей проверкой судьей и использование ИИ для совершенствования текста. Китайская модель ранее предусмотрела AI-assisted legal document generation and review. [1, разд. III, генерация проектов судебных актов; 4, AI-assisted legal document generation and review] Это важный момент: технология перестает быть только поисковой системой и становится *участником процесса формирования текста (выделено нами. Л.Г.),* который в дальнейшем способен получить юридическую силу после принятия судьей.

Российская Концепция содержит собственные, более детализированные или иные по акцентам решения. В частности, она прямо выделяет «интеллектуальную помощь в назначении наказания», включая анализ смягчающих и отягчающих обстоятельств, рецидива и статистики наказаний по аналогичным делам. [1, направление «Интеллектуальная помощь в назначении наказания», разд. III] В тексте китайских Opinions 2022 г. эта функция не формулируется столь же прямо как самостоятельное направление, хотя практическая инфраструктура китайских smart courts включает разнообразные инструменты поддержки уголовного правосудия. Поэтому корректнее говорить о китайском функциональном прототипе в целом, а не о буквальном воспроизведении перечня.

Российские исследования китайского опыта подтверждают, что система «умного суда» КНР строится как институционально-технологическая экосистема: единые платформы, электронные досье, большие массивы судебных данных, интеллектуальный поиск, распознавание, прогнозно-аналитические и документарные функции интегрируются в повседневный рабочий процесс суда. [6, с. 27–32; 7, Art. 4; 8, pp. 186–206] С этой точки зрения Приказ №

59-П структурно ближе именно к китайскому пониманию «интеллектуализации» правосудия, чем к модели, ограничивающей ИИ административными задачами.

Если китайская модель лучше объясняет, какие функции передаются судебному ИИ, то европейские документы значительно лучше объясняют, в каких правовых границах эти функции должны осуществляться. Отправной точкой выступает Европейская этическая хартия CEPEJ об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, принятая в декабре 2018 г. Она закрепила пять базовых принципов: уважение фундаментальных прав; недискриминацию; качество и безопасность; прозрачность, беспристрастность и справедливость, включая возможность внешнего аудита; контроль со стороны пользователя. [9]

Сопоставление с Приказом № 59-П показывает почти полное тематическое наложение: права и свободы человека, недискриминация, качество и достоверность данных, прозрачность, объяснимость, контролируемость и аудит, сохранение решающей роли человека. Однако доказательственная сила этого совпадения ограничена тем, что после 2018 г. указанные требования стали широко распространенным стандартом trustworthy AI. Поэтому Хартия CEPEJ скорее объясняет правовую генеалогию гарантийного слоя Концепции, чем выступает ее непосредственным уникальным прототипом.

Тем не менее, один аспект имеет особое значение. Принцип контроля пользователем в европейской традиции предполагает не только формальное наличие человека «в цепочке», но реальную способность лица, принимающего решение, не следовать алгоритмической рекомендации. Именно такой смысл позднее будет развит в AI Act и документах CCJE. Российская формула вспомогательного характера ИИ должна толковаться в том же содержательном ключе: судья не просто подписывает результат машинной обработки, а сохраняет юридическую автономию при установлении обстоятельств, толковании права и мотивировании решения.

CEPEJ еще в 2018 г. рассматривала «predictive justice» как отдельную чувствительную область. [10] Это важно при оценке российского допуска предварительного прогнозирования типовых исходов: наличие предупреждения, что прогноз не относится к конкретному делу, снижает риск предопределения, но не устраняет возможность якорного эффекта. Если судья получает алгоритмический прогноз до самостоятельной оценки доказательств, вероятностный вывод способен стать когнитивной рамкой для последующего анализа. Отсюда следует необходимость регулировать не только допустимость функции, но и момент ее предъявления судье.

Мнение № 26 (2023) Консультативного совета европейских судей «Moving forward: the use of assistive technology in the judiciary» развивает принципиально важную для приказа № 59-П идею: цифровая технология должна оставаться вспомогательной и не может подменять судебное решение. CCJE подчеркивает, что принятие решений является исключительной компетенцией судей и не должно делегироваться технологии; судьи должны участвовать в проектировании, закупке, контроле и оценке используемых систем и получать соответствующее обучение. [11]

Особая ценность Мнения № 26 состоит в том, что оно описывает не только юридические, но и институциональные риски. Система поддержки принятия решений может формально не принимать решение, но фактически стать de facto decision-maker, если судья систематически воспринимает ее вывод как авторитетный или безопасный вариант. Кроме того, инструменты, ориентированные на воспроизводство сложившейся практики, способны создавать самоподкрепляющийся массив «нормы поведения»: чем чаще алгоритм рекомендует прежнюю линию, тем больше решений ее воспроизводят, после чего та же линия получает еще больший статистический вес. [11, положения о рисках для судебной независимости и самоподкрепляющемся воздействии decision-support system] Этот риск непосредственно относится к российскому механизму предупреждения об отклонении от практики. Его положительный эффект очевиден: снижение случайных расхождений, выявление игнорирования правовой позиции высшего суда, повышение предсказуемости. Но без четкого различения обязательной правовой позиции и просто статистически преобладающего решения система может технологически смешать юридическую обязательность и частотность. Тогда «единообразие»

рискует превратиться в алгоритмическую консервацию практики, затрудняющую ее аргументированное развитие.

Поэтому в российском регулировании желательно закрепить как минимум три фильтра. Во-первых, система должна явно маркировать нормативный статус найденного материала: закон, акт конституционного контроля, разъяснение пленума, правовая позиция высшей инстанции, иное судебное решение, статистический паттерн. Во-вторых, частотность не должна интерпретироваться как обязательность. В-третьих, интерфейс не должен визуально придавать «рекомендуемому» исходу преимущество перед альтернативой. Эти меры следуют не столько из технической, сколько из процессуальной природы независимости судьи.

Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте (AI Act) имеет иную нормативную природу: он является общим регуляторным актом, а не концепцией развития судебной системы. Однако для сравнения с приказом № 59-П принципиально важно, что судебные ИИ-системы, используемые для исследования и толкования фактов и права и применения права к конкретным обстоятельствам, отнесены европейским законодателем к категории high-risk. В преамбуле прямо указывается на воздействие таких систем на демократию, верховенство права, индивидуальные свободы, эффективное средство правовой защиты и справедливое судебное разбирательство; окончательное судебное решение должно оставаться human-driven. [12, recital 61, Annex III, para. 8(a)]

Риск-ориентированная логика AI Act отчетливо корреспондирует с российской матрицей рисков. Европейский режим требует управления рисками на протяжении жизненного цикла, надлежащего управления данными, документации и логирования, прозрачности, человеческого контроля, точности, устойчивости и кибербезопасности. [12, Arts. 9–15] Российский документ использует не идентичную юридическую конструкцию, но близкий набор управленческих элементов: аудит процесса, пилот, специальные метрики, постпилотный мониторинг, журналирование взаимодействия с ИИ, требования к источникам, стресс-тестирование и обновляемую матрицу рисков.

Особенно важно содержание Article 14 AI Act о human oversight. Лицо, осуществляющее контроль, должно понимать возможности и ограничения системы, учитывать риск automation bias и обладать реальной возможностью не учитывать, отменять, обращать или иным образом преодолевать выход ИИ. [12, Art. 14, Human oversight] Такой подход позволяет провести критическую проверку одного из наиболее спорных положений российского документа — требования обязательной мотивировки отклонения от рекомендации ИИ.

AI Act не должен механически переноситься в российское право: различаются правовые системы, институциональные цели и нормативная техника. Однако категория high-risk полезна как аналитический инструмент. Она позволяет разделить сервисный ИИ и сущностный ИИ. Автоматическое обезличивание, перевод, техническая проверка реквизитов или поиск документа не затрагивают судебное усмотрение в той же степени, что оценка доказательств, ранжирование правовых аргументов, прогноз результата, рекомендация наказания или генерация проекта решения. Следовательно, единый набор требований к этим классам систем недостаточен.

Для российского законодательства целесообразно установить усиленный режим для систем, способных воздействовать на содержание судебного акта: обязательную оценку воздействия на права и судебную независимость до пилота; документацию источников и версии модели; независимое тестирование ошибок и предвзятости; воспроизводимость ключевых операций; фиксацию факта использования в материалах внутреннего судебного производства; возможность последующего контроля в случае обжалования, когда вывод ИИ существенно повлиял на решение. Эти меры развивают уже заложенную в приказе № 59-П риск-ориентированную логику, не требуя копирования европейской модели.

Наиболее интересные и специфические совпадения обнаруживаются не с Хартией 2018 г., а с ***Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts,*** принятыми CEPEJ на 45-м пленарном заседании 4–5 декабря 2025 г. и опубликованными в окончательной редакции 19 декабря 2025 г. [13] По времени документ непосредственно предшествует российской Концепции менее чем на год и посвящен не общим принципам ИИ, а организационной модели

его внедрения именно в судах.

CEPEJ рекомендует поэтапное развертывание генеративного ИИ через пилотные проекты, предварительную оценку рисков, измеримые показатели эффективности, постоянный мониторинг и возможность отката. Российский приказ устанавливает почти ту же управленческую последовательность: аудит и декомпозиция процесса; поиск прикладного решения; пилотирование; оценка пилота по специально разработанным метрикам; постпилотный мониторинг; масштабирование; обучение пользователей. [13, phased implementation, pilots, metrics, monitoring and rollback; 1, п. 10 разд. IV]

Обновленное британское ***Artificial Intelligence (AI) Guidance for Judicial Office Holders от октября 2025 г.*** также демонстрирует ряд параллелей с российской матрицей рисков. Руководство акцентирует личную ответственность судьи за материал, создаваемый от его имени, предупреждает о галлюцинациях, предвзятости обучающих данных и рисках конфиденциальности и рекомендует не вводить закрытую или частную информацию в общедоступные ИИ-сервисы. [14] Эти положения практически совпадают по предмету с первыми строками российской матрицы рисков.

Однако британский документ не является наиболее вероятным прототипом приказа № 59-П. Во-первых, его назначение уже: это практическое руководство пользователю, а не программа построения национальной инфраструктуры судебного ИИ. Во-вторых, hallucination, bias и confidentiality к концу 2025 г. являются общеизвестными проблемами генеративного ИИ, поэтому совпадение легко объясняется независимой реакцией разных юрисдикций на одинаковые технологические риски. Британский источник полезнее как подтверждение формирования общего профессионального стандарта judicial AI literacy.

Аналогичную функцию выполняют Guidelines for the Use of AI Systems in Courts and Tribunals UNESCO, опубликованные 3 декабря 2025 г. Документ закрепляет пятнадцать универсальных принципов и рассматривает ИИ как вспомогательный, а не замещающий инструмент. [15]

Российская Концепция находится в общем русле этого подхода, но не содержит столь уникальных совпадений с UNESCO, которые позволяли бы выделить его как непосредственный образец. Скорее речь идет о глобальной нормативной конвергенции вокруг фундаментальной формулы: ИИ может усиливать суд, но не должен превращаться в носителя судебной власти.

Наиболее дискуссионным положением Приказа № 59-П, на наш взгляд, является *мера минимизации риска снижения независимости и инициативы судьи:* наряду с запретом «выбора по умолчанию» и признанием ИИ лишь помощником предусматривается «обязательная мотивировка отклонения ИИ-рекомендации». [1, Приложение № 3, риск снижения независимости и инициативы судьи] Именно эта конструкция, формально направленная на контролируемость использования технологии, способна произвести обратный эффект. Таким образом, возникает своеобразная презумпция корректности машинного вывода, хотя сама Концепция признает возможность «галлюцинаций» ИИ. С процессуальной точки зрения дополнительная обязанность мотивировать несогласие с ИИ также вызывает вопрос о предмете судебной мотивировки. Судебный акт должен обосновывать выводы суда фактами, доказательствами и правом, а не объяснять отношения судьи с программным продуктом. Если решение законно и мотивировано по процессуальному закону, самостоятельное оправдание отказа от машинной подсказки не добавляет юридической ценности. Напротив, оно может создавать материал для оценивания «лояльности» судьи алгоритмическим рекомендациям и тем самым косвенно стимулировать нежелательное профилирование.

Еще более чувствительна т.н. «интеллектуальная помощь в назначении наказания». Статистика по аналогичным делам может содействовать последовательности судебной практики, однако уголовное наказание является областью индивидуализированного судебного усмотрения. Риск состоит не только в ошибке алгоритма (в т.ч. «галлюцинаций» ИИ), но и в «нормализации» прошлой практики. Если статистическое распределение превращается в якорь, прошлое получает технологический механизм самовоспроизводства. В международной дискуссии именно системы, способные влиять на свободу и иные фундаментальные права, рассматриваются как требующие усиленного человеческого контроля. [12, recital 61, Annex III, para. 8(a); 15]

Для таких сценариев предлагается принцип «двухконтурной автономии». В первом контуре ИИ может структурировать информацию: перечислять обстоятельства, находить нормы, показывать диапазоны санкций, представлять статистику с указанием выборки и ограничений. Во втором контуре — оценка доказанности, квалификация, выбор вида и меры наказания — решение должно формироваться судьей без обязательной алгоритмической рекомендации «оптимального» исхода. Если система все же выдает справочный диапазон, интерфейс обязан демонстрировать не единственную величину, а распределение, неопределенность, основания отбора аналогов и возможные смещения данных.

При проектировании судебных систем необходимо учитывать, что объяснимость не равна истинности. Даже идеально объясненная рекомендация может основываться на нерепрезентативной выборке или неверной правовой классификации. Поэтому приказ № 59-П справедливо связывает качество ИИ с официальными источниками и человеческой верификацией, однако дальнейшее регулирование должно дополнить это требованием валидации на специально сформированных тестовых корпусах и публикацией методологии оценки качества без раскрытия защищаемой информации.

Участник российского судопроизводства имеет право знать об использовании ИИ и оспорить его выводы. [1, Приложение № 3, риск нарушения права на справедливое судебное разбирательство] Это положение имеет большое значение для формирования самостоятельной процессуальной гарантии, но пока требует своей детализации. Не любое использование ИИ одинаково значимо: например, автоматическая расшифровка аудиозаписи, орфографическая правка текста и формирование проекта мотивировки различаются по степени воздействия на результат.

Совпадение российской Концепции и CEPEJ Guidelines 2025 г. в вопросе декларирования генеративного ИИ заслуживает отдельной оценки. Проблема заключается в том, что генеративная модель может создавать фиктивные судебные акты, несуществующие цитаты, искаженные выдержки и синтетические приложения. Однако всеобщая обязанность указывать любое использование ИИ может оказаться чрезмерной, поскольку граница между интеллектуальным ассистентом, поисковой системой, редактором и обычным офисным программным обеспечением быстро размывается.

Процессуальная обязанность должна быть связана не с фактом любого технического содействия, а с видом риска. Декларированию подлежит использование генеративной системы для создания фактических утверждений, правовых ссылок, перевода доказательств, подготовки «экспертоподобных» выводов, воспринимаемых судом как самостоятельный источник информации.

Автоматическая проверка ссылок, предусмотренная приказом № 59-П, напротив, представляется перспективной мерой. Она может работать симметрично: проверять не «ИИ-происхождение» текста, которое технически трудно достоверно установить, а существование и корректность cited authorities - судебных актов, норм, DOI, официальных документов. Такой подход технологически реалистичнее и процессуально нейтральнее, поскольку оценивает проверяемость материала, а не способ его создания.

Приказ № 59-П предусматривает создание в Верховном Суде РФ Центра судебных компетенций в сфере искусственного интеллекта в форме экспертной группы. [1, п. 12 разд. V] Этот элемент важен для будущего нормативного регулирования: сложность судебного ИИ делает недостаточной традиционную модель, в которой технические решения проектируются исключительно ИТ-подразделением, а юридическое сообщество получает готовый продукт.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что Приказ Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П представляет собой не простое продолжение электронного правосудия, а переход к нормативному проектированию интеллектуальной инфраструктуры суда. Впервые на уровне общесистемной концепции ИИ включается в операции, непосредственно предшествующие формированию судебного решения: анализ фактов и доказательств, поиск релевантного права и судебной практики, контроль отклонений, прогнозная аналитика, подготовка проектов актов и справочные рекомендации по наказанию.

Сравнительный анализ не подтверждает существование единственного зарубежного «образца». Вместе с тем, наиболее близким функциональным прототипом являются по-

зиции Верховного Народного Суда КНР 2022 г.: совпадают институциональный уровень, сквозной подход к жизненному циклу дела, интеллектуальный анализ доказательств, поиск норм и сходных дел, генерация документов, предупреждение об отклонении судебных критериев и прогнозная аналитика. [4; 7, Art. 4]

В основном, российская модель судопроизводства находится в европейской традиции: CEPEJ 2018, CCJE 2023 и EU AI Act формируют систему координат «права человека - недискриминация - качество данных - прозрачность». Наиболее сильное методологическое сходство обнаруживается с CEPEJ Guidelines 2025 г., особенно в связке пилотирования и специальных метрик, A/B-тестирования, контроля инфраструктуры, противодействия галлюцинациям, декларирования использования генеративного ИИ сторонами и санкций за недекларирование. [13; 1, разд. IV и Приложение № 3]

Следовательно, российскую модель целесообразно характеризовать как гибридную: функционально она близка к китайской концепции Smart Court, нормативно - к европейскому риск-ориентированному подходу, а по методике внедрения генеративного ИИ демонстрирует значительную конвергенцию с CEPEJ 2025. Ее дальнейшее развитие должно не сводиться к наращиванию точности моделей, а обеспечивать институциональную независимость судьи и проверяемость технологического воздействия.

Ключевая граница проходит между «ИИ, который помогает судье увидеть больше», и «ИИ, который определяет, что судья должен увидеть и какое решение считать нормальным». Поэтому центральной задачей будущего процессуального регулирования в России становится не запрет ИИ и не его максимальная автоматизация, а конструирование такой сложноуправляемой архитектуры, при которой подконтрольные человеку алгоритмы усиливают судебное разбирательство, помогая судье в разбирательстве и принятии справедливого судебного решения.

Список литературы:

[1] Приказ Верховного Суда РФ от 03.09.2026 № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации», разд. III // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_544417/ (дата обращения: 19.09.2026).

[2] Чудесенко А. В. Использование технологии искусственного интеллекта в процессе судопроизводства: сравнительно-правовой анализ проблем правового регулирования в условиях обеспечения информационной безопасности РФ // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53, № 2. С. 120–126.

[3] Заготовкин Д. Ф., Рыльский К. Проблемы интеграции искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации // Russian Studies in Law and Politics. 2025. Т. 9, № 1. С. 4–28.

[4] Supreme People's Court of the People's Republic of China. Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields. 8 Dec. 2022. (法发〔2022〕33号). URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (accessed: 19.09.2026).

[5] Даньшин А. В. Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. Т. 9, № 1. С. 125–137.

[6] Шестак В. А., Чайникова А. О. Институционально-технологическая модель системы «Умный суд» Китайской Народной Республики // Мировой судья. 2026. № 7. С. 27–32.

[7] Shi C., Sourdin T., Li B. The Smart Court — A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, No. 1. Art. 4. DOI: 10.36745/ijca.367.

[8] Wei F. et al. A full-process intelligent trial system for smart court // Frontiers of Information Technology & Electronic Engineering. 2022. Vol. 23, No. 2. P. 186–206. DOI: 10.1631/FITEE.2100041.

[9] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment. Strasbourg, 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (accessed: 19.09.2026).

[10] CEPEJ. Possible use of AI to support

the work of courts and legal professionals. The CEPEJ materials accompanying the 2018 Charter expressly discuss “predictive justice” tools anticipating possible outcomes, while requiring fundamental-rights safeguards. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/tools-for-courts-and-judicial-professionals-for-the-practical-implementation-of-ai (accessed: 19.09.2026).

[11] Consultative Council of European Judges (CCJE). Opinion No. 26 (2023) “Moving forward: the use of assistive technology in the judiciary”. Strasbourg, 1 Dec. 2023. URL: https://rm.coe.int/ccje-opinion-no-26-2023-final/1680adade7 (accessed: 19.09.2026). См. также положения о рисках для судебной независимости, возможном превращении decision-support system в фактический источник решения и самоподкрепляющемся воздействии технологий, ориентированных на сложившиеся decisional norms.

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act), recital 61, Annex III, para. 8(a) // OJ L, 12.7.2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed: 19.09.2026). См. также Arts. 9–15: risk management, data and data governance, technical documentation, record-keeping, transparency, human oversight, accuracy, robustness and cybersecurity; Art. 14 — понимание возможностей и ограничений системы, учет automation bias и возможность не учитывать, отменять или иным образом преодолевать выход ИИ.

[13] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts. CEPEJ (2025)18Final. Strasbourg, 19 Dec. 2025. Adopted at the 45th plenary meeting (4–5 Dec. 2025). URL: https://rm.coe.int/cepej-2025-18final-en-draft-guidelines-on-the-use-of-generative-ai-for/48802a4ad1 (accessed: 19.09.2026).

[14] Courts and Tribunals Judiciary. Artificial Intelligence (AI) Guidance for Judicial Office Holders. Updated 31 Oct. 2025. URL: https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/artificial-intelligence-ai-judicial-guidance-october-2025/ (accessed: 19.09.2026). Руководство выделяет hallucinations, bias in training data и confidentiality risks и подчеркивает личную ответственность judicial office holders.

[16] Gutiйrrez J. D. Guidelines for the Use of AI Systems in Courts and Tribunals. Paris: UNESCO, 2025. 44 p.

References:

[1] Order of the Supreme Court of the Russian Federation No. 59-P dated September 3, 2026, “On Approving the Concept for Implementing Artificial Intelligence Technologies in the Judicial Proceedings of the Russian Federation,” Section III // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_544417/ (accessed: September 19, 2026).

[2] Chudesenko A. V. Use of Artificial Intelligence Technology in Judicial Proceedings: A Comparative Legal Analysis of Regulatory Issues in the Context of Ensuring Information Security in the Russian Federation // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 53, No. 2. P. 120–126.

[3] Zagotovkin D. F., Rylsky K. Challenges of Integrating Artificial Intelligence into the Judicial System of the Russian Federation // Russian Studies in Law and Politics. 2025. Vol. 9, No. 1. P. 4–28.

[4] Supreme People’s Court of the People’s Republic of China. Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields. 8 Dec. 2022. (法发〔2022〕33号). URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (accessed: September 19, 2026).

[5] Danshin A. V. Legal Regulation of the Application of Digital Technologies and Artificial Intelligence in Judicial Proceedings in the People’s Republic of China // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 9, No. 1. P. 125–137. [6] Shestak V. A., Chainikova A. O. Institutional-Technological Model of the “Smart Court” System in the People’s Republic of China // Mirovoy Sudya [Magistrate Judge]. 2026. No. 7. P. 27–32.

[7] Shi C., Sourdin T., Li B. The Smart Court — A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, No. 1. Art. 4. DOI: 10.36745/ijca.367.

[8] Wei F. et al. A full-process intelligent trial system for smart court // Frontiers of Information Technology & Electronic Engineering. 2022. Vol. 23, No. 2. P. 186–206. DOI: 10.1631/FITEE.2100041.

[9] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment. Strasbourg, 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (accessed: 19.09.2026).

[10] CEPEJ. Possible use of AI to support the work of courts and legal professionals. The CEPEJ materials accompanying the 2018 Charter expressly discuss "predictive justice" tools anticipating possible outcomes, while requiring fundamental-rights safeguards. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/tools-for-courts-and-judicial-professionals-for-the-practical-implementation-of-ai (accessed: 19.09.2026). [11] Consultative Council of European Judges (CCJE). Opinion No. 26 (2023) "Moving forward: the use of assistive technology in the judiciary". Strasbourg, 1 Dec. 2023. URL: https://rm.coe.int/ccje-opinion-no-26-2023-final/1680adade7 (accessed: 19.09.2026). See also provisions regarding risks to judicial independence, the potential transformation of a decision-support system into the actual source of a decision, and the self-reinforcing impact of technologies oriented towards established decisional norms.

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act), recital 61, Annex III, para. 8(a) // OJ L, 12.7.2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed: 19.09.2026). See also Arts. 9–15: risk management, data and data governance, technical documentation, record-keeping, transparency, human oversight, accuracy, robustness and cybersecurity; Art. 14 — understanding the system's capabilities and limitations, accounting for automation bias, and the ability to disregard, overrule, or otherwise override AI output.

[13] European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Courts. CEPEJ (2025)18Final. Strasbourg, 19 Dec. 2025. Adopted at the 45th plenary meeting (4–5 Dec. 2025). URL: https://rm.coe.int/cepej-2025-18final-en-draft-guidelines-on-the-use-of-generative-ai-for/48802a4ad1 (accessed: 19.09.2026).

[14] Courts and Tribunals Judiciary. Artificial Intelligence (AI) Guidance for Judicial Office Holders. Updated 31 Oct. 2025. URL: https://www.judiciary.uk/guidance-and-resources/artificial-intelligence-ai-judicial-guidance-october-2025/ (accessed: 19.09.2026). The guidance highlights hallucinations, bias in training data, and confidentiality risks, and emphasizes the personal responsibility of judicial office holders.

[16] Gutiйrrez J. D. Guidelines for the Use of AI Systems in Courts and Tribunals. Paris: UNESCO, 2025. 44 p.

